

«СРЕДИННАЯ ЕВРОПА» — ОРУЖИЕ ГЕРМАНСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ

(Из истории идеологической подготовки двух мировых войн)

А. М. Деборин

В годы первой мировой войны получила особенно широкое распространение идея «Срединной Европы». Она была выдвинута германскими империалистами для обоснования их агрессивных притязаний.

Возникновение идеи «Срединной Европы» неразрывно связано с особенностями формирования и развития германского империализма. Создание единого германского государства завершилось в ходе франко-прусской войны 1870—1871 годов под эгидой Пруссии. В новом государстве, возникшем в центре Европы, господствующими стали реакционные прусские порядки. Захват у Франции территории Эльзаса и Лотарингии и многомиллиардная контрибуция, полученная от нее, способствовали обогащению господствующих классов Германии.

Неравномерность экономического и политического развития капитализма, усилившаяся в эпоху империализма, наглядно проявилась в стремительном выдвигании Германии в ряды передовых капиталистических стран. Германская промышленность с четвертого места, которое она занимала в 1870 г., вышла на третье место в 1880 г., обогнав Францию, а в середине 1900 г. выдвинулась на второе место после Соединенных Штатов Америки, оставив позади себя также и Англию.

Характерной формой монопольных объединений в Германии явились картели. Быстрое развитие в Германии монополий, помимо обстоятельств, общих с другими странами, объяснялось активным использованием правящими классами государственного аппарата в интересах монополизации промышленности. С самого начала монопольные объединения в Германии развивались и укреплялись, опираясь на широкую финансовую поддержку государства, ставшего своеобразным комитетом по распределению среди промышленников контрибуционных сумм. Таким путем германская буржуазия стремилась сделать свои монополии конкурентоспособными в борьбе с трестами и картелями Англии и Франции, сосредоточившими в своих руках мощные экономические ресурсы. Эту особенность германского империализма подчеркивал В. И. Ленин: «Возьмите, например, Германию, образец передовой капиталистической страны, которая в смысле организованности капитализма, финансового капитализма, была выше Америки. Она была ниже во многих отношениях, в отношении техники и производства, в политическом отношении, но в отношении организованности финансового капитализма, в отношении превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм — Германия была выше Америки»¹.

Развитие капитализма в Германии не привело к уничтожению крупного помещичьего землевладения. Германские помещики-юнкеры в полной мере сохранили свою экономическую силу и огромное политическое влияние. Именно они были родоначальниками и носителями реакционного

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 149.

пруссачества, характерными чертами которого являются культ грубой силы, безудержная агрессивность, враждебность ко всякой передовой мысли, презрение к другим народам. В. И. Ленин характеризовал кайзеровскую Германию, как «господство сабли прусского полufeодального землевладельца»². Германская военщина всегда играла громадную роль в политической жизни страны. Ни в одной империалистической стране Европы милитаристы не пользовались таким влиянием и авторитетом в решении важнейших вопросов внутренней и внешней политики, как в Германии.

Вследствие запоздалости объединения страны и более позднего выхода ее на столбовую дорожку капиталистического развития Германия не успела к разделу мира. Она предъявила свои колониальные притязания, когда большая часть мира уже была поделена и другим хищникам достались все «лакомые кусочки». «Свободных» территорий, которые могли бы стать объектом широкой экспансии германского империализма, уже почти не имелось, а имевшиеся никак не могли удовлетворить его растущие аппетиты. В этих условиях стремление германского монополистического капитала к захвату новых сфер приложения капитала, рынков сбыта и источников сырья могло быть реализовано лишь путем насильственного передела мира.

Отмеченные выше особенности германского юнкерско-буржуазного империализма и определяют собой причины его чрезвычайной агрессивности. Германские империалисты были особенно заинтересованы в переделе мира. Их идеологи стремились «обосновать» претензии германского империализма на обширные территории, в конечном счете на мировое господство, изобразить империалистические устремления, лежавшие в основе этих агрессивных замыслов, как историческую, географическую, политическую «необходимость», обмануть немецкий народ и усыпить бдительность тех народов, которые были намечены в качестве жертв империалистической агрессии Германии.

Германский империализм выдвинул три основных плана территориальной экспансии. Первым возник план создания большой колониальной империи в центре Африки. Захватив территории в Восточной и Юго-Восточной Африке, Германия хотела, далее, присоединить к ним колонии Португалии — Мозамбик и Анголу, а также Британскую Родезию. Тогда германская Восточная и Юго-Западная Африка слились бы в крупнейший массив, простирающийся от Индийского до Атлантического океана и от озера Виктория до реки Оранжевой. Для осуществления этого плана были предприняты определенные практические шаги. Однако его претворение в жизнь упиралось в слабость германского военно-морского флота, без которого приобрести колониальные владения на африканском континенте было невозможно.

Второй план заключался в создании колониальной империи на Ближнем Востоке. Германские империалисты собирались окончательно подчинить себе Турцию, воспользоваться ее владениями на Ближнем Востоке — Сирией, Палестиной, Месопотамией, Аравией, проникнуть в Персию. Конечной целью этого плана являлось овладение Индией. Но на пути его осуществления Германия натолкнулась на активное противодействие европейских держав, и в первую очередь Англии.

Следует отметить, что старые споры времен образования Германской империи — должна ли Германия вести «континентальную» или «колониальную» политику — к началу XX в. были оставлены. В период империализма оба эти направления экспансии рассматривались германскими империалистами не как альтернативные, а как взаимодополняющие и усиливающие друг друга. Однако они вынуждены были учитывать трудности осуществления своих колониальных замыслов. Вот почему, отнюдь не от-

² В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 465.

казываясь от этих замыслов, они сосредоточили свое главное внимание на третьем плане экспансии, заключавшемся в создании «Великой Германии» не где-то за морями и океанами, а непосредственно в самой Европе, за счет захвата территории европейских государств. Идеологическим оружием в борьбе за осуществление этого плана и явилась идея создания так называемой «Срединной Европы». Она была направлена на то, чтобы под видом объединения ряда европейских стран подчинить их германскому империализму.

Германские аннексионисты эпохи империализма приняли на вооружение проекты, выдвигавшиеся германскими и австрийскими шовинистами — историками, философами, географами — на всем протяжении XIX века. Мы имеем в виду писания Фридриха Листа, Даниэля де Лагарда и других им подобных, писания, в которых пропагандировалась «историческая миссия» Германии, призванной якобы «объединить» ряд европейских стран. Для всех этих проектов было характерно требование установления гегемонии над обширными славянскими, романскими, скандинавскими территориями. В период, когда не было еще осуществлено объединение самой Германии, подобные проекты не имели под собой сколько-нибудь реальной основы; немецкие шовинисты не могли договориться даже о том, кто выступит в вождельной роли «объединителя» — на деле поработителя — европейских народов: Австрия или Пруссия.

В своей работе «По и Рейн» (1859 г.) Энгельс заклеил агрессивную сущность подобных идей. «Эта «великая средне-европейская держава», — писал он, — должна быть своего рода возрождением Священной Римской империи германской нации и, повидимому, среди прочих целей иметь также в виду присоединение, в качестве вассальных государств, некогда принадлежавших Австрии Нидерландов, а также нынешней Голландии. Немецкое отечество в этом случае раскинулось бы почти вдвое шире тех пределов, где ныне звучит немецкая речь; если это все действительно осуществится, то Германия станет арбитром и господином Европы»³.

Уже ранние пропагандисты «Срединной Европы» в обоснование выдвигавшихся ими притязаний ссылались на центральное в географическом отношении положение Германии в Европе, дающее ей якобы право претендовать на руководство другими европейскими государствами, иными словами, на их подчинение. В сочинениях этих пропагандистов «Срединной Европы» мы встречаемся также с теорией «естественных границ», позднее ставшей одной из основ немецко-фашистской геополитики. Чем ближе к эпохе империализма, тем громче звучали призывы к экспансии на европейском континенте, тем более изощренными и хитроумными становились уловки и ухищрения, используемые идеологами германской монополистической буржуазии, ее учеными лакеями с целью обоснования притязаний на господство в Европе, которое должно было стать лишь этапом на пути к мировому господству.

В этом смысле весьма характерны писания немецкого географа Ф. Ратцеля, одного из духовных отцов фашистской геополитики, появившиеся на рубеже XIX и XX веков. Именно Ратцель выдвинул понятие «Срединная Европа», которое отнюдь не совпадает с тем, что принято в географическом смысле считать Центральной Европой. Под «Срединной Европой» Ратцель понимал огромную территорию, расположенную между Альпами, Северным и Балтийским морями, от Атлантического океана до Черного моря, то есть по существу всю Западную и Центральную Европу (в том числе и Францию). Задача Германии, подчеркивал Ратцель, заключается «в сплочении и обеспечении за собой сил Срединной Европы»⁴. Чрезвычайно характерно, что Ратцель не устанавливал восточных границ «Срединной Европы», и это отнюдь не случайно: он считал их

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI, ч. II, стр. 6—7.

⁴ F. Ratzel. Deutschland. Berlin und Leipzig. 1921. (5 Aufl.) S. 5, 201.

«географически» якобы не определенными, что имеет, говорил он, особое значение для Германии⁵.

Это недвусмысленное указание на Россию как объект экспансии руководимой Германией «Срединной Европы» демонстрирует одну из самых главных целей всех замыслов подобного рода, вплоть до нынешнего американского проекта «европейского оборонительного сообщества». Уже в 1889 г. философ Э. Гартман, мечтая о значительном расширении территории и усилении влияния Германии в Европе, писал: «Финляндию я отдал бы Швеции, Бессарабию — Румынии, Эстляндию, Лифляндию и Курляндию вместе с Ковенской и Виленской губерниями я преобразовал бы в самостоятельное Балтийское государство, а речную область Днепра и Прута — в королевство Киевское»⁶. Нечего и говорить, что все эти «образования» должны были, по мысли Гартмана, находиться в зависимости от Германии.

Идеологическим штабом германского империализма являлся пресловутый Пангерманский союз. Будучи порождением империалистической эпохи, пангерманизм в то же время во многом опирался на старые прусские реакционные традиции. Его девизом было «Король во главе Пруссии, Пруссия во главе Германии, Германия во главе мира!» Пангерманцы культивировали зоологический шовинизм, «идею» превосходства немцев над всеми народами, учение Ницше о «сверхчеловеке», о благотворности войн. В 1905—1906 гг. пангерманец Иозеф Реймер выступил с двумя работами, в которых изложил ближайшие планы германских монополистов. «Самое сильное германское государство континента, — писал он, — должно стать гегемоном на всем континенте, а малые государства должны отказаться от своей самостоятельности и даже от своего собственного языка»⁷. Характерно, что Реймер пытался сочетать эту разбойничью программу с лживыми демагогическими посулами рабочему классу. Он писал о необходимости внушить рабочему классу мысль, что, борясь за завоевание чужих земель, он будет бороться за торжество социализма. Именно здесь следует искать истоки той чудовищной демагогии, которую впоследствии широко практиковала фашистская банда, именовавшая себя партией национал-социалистов. Эту империалистическую идеологию, прикрытую «социалистическим» флагом, внедряли в сознание рабочего класса ревизионисты, правые социал-демократы. Так, например, социалистический депутат рейхстага Рихард Кальвер поместил в журнале «Sozialistische Monatshefte» статью «Мировая политика и социал-демократия», в которой этот предатель требовал от рабочего класса Германии защиты политики «экономического объединения европейских государств».

Пангерманцы отождествляли «Срединную Европу» с «Великой Германией». Так, председатель Пангерманского союза проф. Хассе считал, что «Великая Германия» должна будет включать Нидерланды, Украину, Прибалтику, Румынию, Сербию»⁸, то есть большую часть Европы. Политические права и право приобретать землю в этом государстве должны были получить только немцы. «Тогда они, — добавлял автор, — вновь обретут существовавшее у них в средние века сознание, что они являются народом господ. Они охотно предоставят живущим среди них чужестранцам выполнение физических работ».

⁵ Там же, стр. 5—6.

⁶ См. А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М. 1951, стр. 541.

⁷ J. Reimer. Ein pangermanisches Deutschland. 1905. S. 119.

⁸ «Grossdeutschland und Mitteleuropa um das Jahr 1950, von einem Alldeutschen». Berlin. 1895. Из других работ Хассе, где проповедовались те же «идеи», назовем «Deutsche Grenzpolitik». 1906.

Агрессивные проекты, связанные с идеей создания «Срединной Европы», германские империалисты пытались осуществить в годы первой мировой войны. Это была война за передел мира и сфер влияния. Ее виновниками являлись империалисты всех стран, причем правящие круги обоих империалистических блоков стремились завуалировать свои подлинные цели декларациями и утверждениями, что война будто бы ведется в защиту независимости и свободы народов, в интересах культуры.

Трубадуры германских империалистов в годы первой мировой войны широко пропагандировали шовинистическую «идею» о расовом превосходстве немцев. Так, проф. Р. Ойкен утверждал, что немцы составляют «душу человечества», а философ-гегельянец А. Лассон писал, что немцы воплощают в себе всю совокупность человеческих идей и интересов в их универсальном значении⁹. И. Штерн, издавший в 1917 г. книжонку, где излагалась история идеи «Срединной Европы», называл немцев носителями всемирно-исторических идей и наследниками универсальных ценностей; он утверждал, что Европа должна благодарить немцев за... идею личной свободы (!)¹⁰. Один из ярких пропагандистов континентальной «Великогермании», профессор международного права Франц Лист, писал в 1914 г.: «Среднеевропейский союз государств будет достаточно сильным, чтобы в любой момент защитить Европу от России»¹¹. Так германские империалисты рядились в тогу «защитников» Европы, спекулируя на естественных чувствах общности, которые имеются у европейских народов, во многом связанных общностью судеб и длительными экономическими и культурными связями.

В таком же духе вел пропаганду автор нашумевшей книги «Срединная Европа» Ф. Науманн. Науманн не принадлежал к Пангерманскому союзу. Еще в 1896 г. он основал так называемый «Национально-социальный союз». В годы первой мировой войны он «отмежевывался» от крайних аннексионистов и выдавал себя за сторонника «добровольного», «мирного» объединения европейских стран. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что между рассуждениями Науманна и кровавыми призывами откровенных пангерманцев, по существу, разницы нет. Все дело в том, что идею подчинения европейских народов германскому империализму Науманн прикрывал более тонкими и казуистическими доводами, нежели доводы, приводимые откровенными пангерманцами. По мнению Науманна, слить всю массу среднеевропейских элементов в один государственный организм, слить в одно войско и подчинить единой политической воле является целью, достойной величайших государственных деятелей, движимых «духом истории». В воображении Науманна рисовалось возрождение средневековой «Римской империи немецкой нации, которая и хочет теперь опять воскреснуть из земли в нынешнюю войну после долгого сна»¹². Если отбросить словесную шелуху, бесчисленные лицемерные заверения в благоволении предлагаемого объединения Европы, то мы увидим, что в основе плана Науманна лежали непосредственные интересы германских монополий. Так, началом начал этого объединения должно было стать соглашение германских и австрийских картелей, еще точнее, создание совместного металлургического синдиката¹³, к которому должны присоединиться будущие участники «Срединной Европы». Проект Науманна означал установление полного господства германской тяжелой промышленности и явился прообразом нынешних

⁹ R. E u c k e n. Die weltgeschichtliche Bedeutung des deutschen Geistes. Stuttgart. 1914; A. L a s s o n. Deutsche Art und deutsche Bildung. 1914.

¹⁰ J. S t e r n. Mitteleuropa von Leibnitz bis Naumann. Stuttgart und Berlin. 1917.

¹¹ Franz von L i s z t. Ein mitteleuropäischer Staatenverband als nächstes Ziel der deutschen auswärtigen Politik. Leipzig. 1914. S. 23.

¹² F. N a u m a n n. Mitteleuropa. Berlin. 1915, S. 42, 58—59.

¹³ Там же, стр. 224.

«европейского объединения угля и стали» (так называемый «план Шумана») и «европейского оборонительного сообщества».

Экономическое закабаление, как известно, неизбежно влечет за собой политическое подчинение, а политическое подчинение, в свою очередь, облегчает дальнейшее экономическое закабаление. Вот почему Науманн под разными предлогами выступал против самого принципа национальной независимости и суверенитета, от которого европейские страны должны были отказаться якобы для «общей цели», на деле же в пользу германских монополий. Науманн утверждал, что суверенитет, бывший прежде чрезвычайно распространенным достоянием государственных образований, чем дальше, тем заметнее сосредоточивается в очень немногих пунктах. В мире великих держав мелкие и средние государства едва ли могут долго продержаться. «Это — суровая неизбежность, тяжелая участь, но это могущественное веление времени, категорический императив развития человечества (!)... Здесь не помогут никакие упирательства и жалобы. Можно сделать неизбежное (то есть пойти в кабалу к германским монополиям. — А. Д.) раньше или позже, свободнее или под большим принуждением, но лозунг дан и должен быть исполнен»¹⁴.

Космополитическая программа Науманна предусматривала насильственное уничтожение национальных связей, объединявших на протяжении веков членов каждой европейской нации, подавление их самобытной культуры. В центре средневропейской империи, согласно Науманну, будут находиться германцы. Вокруг них будет располагаться некий «срединно-европеец», тип которого еще должен быть выработан. Он утратит свои национальные черты и явится чем-то средним между французом, итальянцем, русским, скандинавом, турком и англичанином. При этом господствующим языком этой аморфной массы должен стать, как подчеркивает Науманн, немецкий язык.

Науманн не сделал в своей книге прямых указаний на территории, которые должны были составить пропагандируемую им «Срединную Европу». Он признал, что в период войны это вызвало бы особые подозрения и недовольство. Но уже основа всего его плана — федерация Германии и Австро-Венгрии (естественно, под главенством первой) — показывает, что речь шла прежде всего о захвате германским империализмом западнославянских и южнославянских земель, а также других территорий, входивших в состав Австро-Венгрии. По мысли Науманна, это явилось бы лишь ядром «Срединной Европы», ибо «жизнеспособная Срединная Европа нуждается в прилегающих к ней аграрных областях и должна по возможности привлекать их к себе; кроме того, ей необходимо возможное расширение ее северного и южного побережья, а равно обладание некоторыми заокеанскими колониальными владениями»¹⁵. Такая «Срединная Европа» должна была составить обширную «хозяйственную территорию», заключающую в своих пределах достаточно продовольственных ресурсов, промышленного и стратегического сырья для германской индустрии и для потребностей войны. Науманн не скрывал, что, по существу, она будет немецкой, воспримет немецкую экономическую систему, будет пользоваться для внешних сношений немецким языком и т. д. Общей для этой «Срединной Европы» должна стать и... система окопов; ею она, по замыслу Науманна, отгородится от соседних «державных групп», с которыми она неминуемо должна вступить в борьбу за мировую гегемонию. «Срединная Европа» являлась орудием борьбы за «право управления судьбой народов».

В обоснование своих аннексионистских планов германские империалисты особенно широко использовали географическое положение Герма-

¹⁴ Там же, стр. 178.

¹⁵ Там же, стр. 181—182.

нии. Немецкие шовинисты — историки, философы, экономисты — возвели географический фактор в фактор решающего значения для всего хода истории Германии. Географический детерминизм лег впоследствии в основу лженауки — геополитики, спекулировавшей на центральном положении Германии в Европе.

В этом отношении характерны работы немецкого буржуазного историка Карла Лампрехта, опубликованные вскоре после начала войны. В исторической концепции Лампрехта географическому фактору было отведено огромное место. Лампрехт утверждал, что положение, занимаемое народом в земном пространстве, как и его положение во всемирно-историческом времени обуславливают ход развития данного народа. По его мнению, народы земли, несмотря на тесную взаимную связь, отличаются друг от друга по своей культуре и душевному складу именно вследствие различия в своем пространственно-географическом и универсально-историческом положении¹⁶. Лампрехт утверждал, что «географическая судьба» Германии характеризуется ее положением в центре европейского континента; занимаая такое центральное положение, Германия призвана дать «высший синтез всех противоположностей» и навести порядок в Европе. Именно с целью установления удобного германским империалистам порядка в Европе Лампрехт ратовал за создание среднеевропейской конференции, всецело руководимой и направляемой Германией¹⁷.

От этих писаний немногим отличаются рассуждения одного из наиболее плодовитых немецких буржуазных историков, «маститого» Ф. Мейнеке. В своих статьях и выступлениях, опубликованных в 1914 г., Мейнеке говорил об «окружении», которому якобы подверглась Германия, о некоей «зажатости» ее географического положения, которая будто бы заставляет Германию быть постоянно вооруженной до зубов. Как и его собратья по профессии, Мейнеке утверждал, что Центральная Европа (читай: Германия) призвана сыграть в системе европейских государств совершенно особую роль. С этой целью Мейнеке предлагал такую организацию «Срединной Европы», при которой все народы, живущие западнее России, объединились бы вокруг Германии и Австрии, причем руководящая роль должна была принадлежать немцам. Другим народам, которые войдут в состав «Срединной Европы», Мейнеке обещает «свободу развития» лишь постольку, поскольку это будет совместимо с интересами обоих центральноевропейских государств¹⁸.

К числу наиболее усердных апологетов «Срединной Европы» принадлежал известный историк Г. Онкен. В книге, изданной в период первой мировой войны, Онкен утверждал, что на Германию, являющуюся сердцем Европы, будто бы направлены все стрелы ее соседей. «Новая Срединная Европа», писал Онкен, родилась в огне мировой войны. Находясь под впечатлением немецких побед в первый период войны, он в весьма радужных тонах изображал будущее европейских народов с точки зрения интересов германских монополий. Самое понятие «Срединной Европы» у Онкена необычайно расширилось. Он «предугадывал», что «новая Срединная Европа» не сможет ограничиться европейскими территориями. «Она будет вынуждена искать свое необходимое хозяйственное дополнение в замкнутой колониальной империи»¹⁹.

Как же германские империалисты мыслили организовать порабощение народов Европы, имеющих «счастье» жить на одном с ними континенте? Европейские государства, образуя периферию Германии, должны были служить интересам Германии. Центр, то есть Германия, высасывал бы все соки из экономики окружающих его периферийных государств и

¹⁶ К. Lamprecht. Deutscher Aufstieg. 1850—1914. Gotha. 1914. S. 6.

¹⁷ К. Lamprecht. Krieg und Kultur. Leipzig. 1914. S. 59—60.

¹⁸ F. Meinecke. Die deutsche Erhebung von 1914. Stuttgart und Berlin. 1914. S. 82—83.

¹⁹ H. Oncken. Das alte und das neue Mitteleuropa. Gotha. 1917. S. 101.

полностью подчинил бы их политически в качестве своего «хинтерланда». Эти государства низводились до положения ландскнехтов, призванных своею кровью защищать Германию — это «драгоценное ядро «Срединной Европы». Таким образом, «Срединная Европа» должна была явиться базой и орудием мирового господства германского империализма.

Уже упоминавшийся выше «правовед» Франц Лист рекомендовал включить в «Срединную Европу» не только Голландию с ее колониальными владениями, скандинавские страны, Италию, Швейцарию, но и страны Балканского полуострова и европейскую часть Турции²⁰. Турция не могла войти в «Срединную Европу» одной лишь европейской (крайне незначительной) частью своей территории. Речь шла о намерении германского империализма прибрать к рукам огромные территории, которыми султанская Турция владела в Передней Азии и Аравии. В осуществлении этого намерения накануне и в ходе первой мировой войны Германия добилась немалых успехов. Но какое отношение имело к «Срединной Европе» такое азиатское государство, как Турция?

«Срединная Европа», по замыслу германских шовинистов и милитаристов, должна была явиться идеологическим оружием порабощения других народов и средством обмана самого немецкого народа. Она была направлена на то, чтобы «оправдать» режим жестокой реакции и деспотизма, царивший в кайзеровской Германии. Живые теории о трудном географическом положении Германии, о полном отсутствии у Германии «естественных оборонительных границ», о ее мнимой незащищенности имели целью прикрыть гонку вооружений и усиление репрессий внутри страны. Так, историк Отто Гинтце в двухтомном сборнике «Германия и мировая война» утверждал, что «мера политической свободы в государстве обратно пропорциональна нажиму, испытываемому им на своих границах со стороны соседей»²¹. Гинтце и его коллеги стремились обосновать засилье милитаризма, реакции, средневековых пережитков «географическим положением» Германии. Они старались скрыть ту истину, что подлинные причины бесправия немецкого народа коренились в социальной структуре германского государства, в господстве юнкеров и монополистов, стремившихся к безраздельной эксплуатации собственного народа, к превращению его в бессловесное стадо для ведения разбойничьих империалистических войн.

Германский империализм потерпел в первой мировой войне поражение. Под ударами ноябрьской революции в Германии рухнул кайзеровский режим. Но эта революция не ликвидировала господства монополистов и юнкерства, не покончила с их экономической мощью и политической гегемонией. Веймарская республика стала лишь этапом на пути к установлению кровавой фашистской диктатуры монополистического капитала, главной целью которой являлись подготовка и развязывание второй мировой войны за передел мира.

Военное поражение Германии, падение германской монархии нанесли сильнейший удар идеологии германской империалистической буржуазии, ее лживым реакционным доктринам и теориям. Но это еще не было их полным крушением. Сохранялись силы, заинтересованные в возрождении бредовых шовинистических идей, в лице германских монополистов и юнкерства. Буржуазно-демократические правительства веймарской Германии не только не противодействовали, но содействовали этому возрождению. Вскоре после ноябрьской революции в Германии возникли многочисленные фашистские группы и партии, выражавшие интересы германского монополистического капитала. Впитав в себя традиционные доктрины германского империализма, они развили эти доктрины до

²⁰ F. von Liszt. Указ, соч., стр. 30 сл.

²¹ «Deutschland und der Weltkrieg». Leipzig und Berlin. 1916. B. 1, S. 6.

самых чудовищных пределов. Одним из примеров этого может послужить так называемая геополитика. То, что у идеологических предшественников гитлеризма существовало в виде разрозненных доктрин о примате географического фактора, фашистскими геополитиками было развернуто в целую систему, призванную прикрыть грабеж и насилие научнообразными доводами и аргументами.

В период Веймарской республики германская буржуазия исподволь готовилась к реваншу, широко используя колоссальную помощь, которую она получала со стороны правящих кругов США и Англии. В эти годы были заложены основы, позволившие затем гитлеровцам в короткий срок создать чудовищную военную машину. Коричневая чума уже тогда беспрепятственно сеяла ядовитые семена своей пропаганды о «жизненном пространстве», якобы недостающем Германии, о «перенаселенности» страны, о борьбе против славян, а также против французов, как исконной задаче «нордической расы», и т. д., и т. п. В устах фашистских идеологов самый термин «пространство» приобрел новый смысл; под ним понималась не страна, населенная тем или другим народом, а территория, открытая для немецкой колонизации; фашисты с самого начала замыслили физическое уничтожение населения захватываемых ими земель.

В эти годы геополитическая псевдонаука сосредоточила свое главное внимание на приспособлении к новым условиям идеи «Срединной Европы», воспринятой у идеологов кайзеровской Германии. При этом учитывались «установки» Гитлера о том, что Германия должна искать «жизненное пространство» в Европе, и прежде всего в России. Но германские монополисты и выразители их интересов — гитлеровцы в не меньшей мере стремились к захвату территорий в Западной и Юго-Восточной Европе. Они видели основную задачу первого этапа германской экспансии в подчинении европейских стран. Идея «объединения», идея «Срединной Европы» как нельзя лучше подходила для этой цели. О том, какой характер приняла эта идея у фашистских «идеологов», можно судить по высказываниям гитлеровца Вальтера Дарре, впоследствии министра сельского хозяйства фашистской Германии.

Вальтер Дарре ратовал за то, чтобы «создать блок государств, похожий на тот, который начал формироваться во время (первой) мировой войны. В центре арийского гнезда — большое центральное государство (имеется в виду Германия. — А. Д.). Чехия, Моравия, Австрия должны составлять его нераздельную часть. Вокруг этого блока — система маленьких и средних вассальных государств. Такова будущая основа великого германского государства. Балтийские государства, Польша, превращенная в чисто этнографическое понятие и отделенная от моря с севера, увеличившаяся Венгрия, поделенные Сербия и Кroatия, уменьшившаяся Румыния, отделенная Украина, целый ряд южнорусских областей и государств, а также государств кавказских — такова будущая федеративная германская империя, откуда Германия будет черпать свое могущество... Все это будет сцементировано общей армией, экономической, денежной системой, общей внешней политикой»²². Таков прообраз той Европы, которую гитлеровцы хотели создать.

Нетрудно увидеть, что бредовые идеи германских фашистов были во многом — и притом в самом главном — предвосхищены составителями проектов «Срединной Европы» еще во времена кайзеровской Германии. Но они внесли в эти планы и свои поправки и уточнения. Так, Розенберг в книге «Миф XX столетия» заменил «Срединную Европу» в понимании Науманна понятием «нордической Европы». Центром этой Европы должна была являться «расово чистая» Германия, простирающаяся от Страсбурга до Мемеля и далее от Северного моря через Прагу до Люб-

²² Цит. по книге «Откровения фашистских людоедов» Госполитиздат. 1942, стр. 30.

ляны²³. Слова «расово чистая» означали не что иное, как истребление десятков миллионов славян и других народов, живущих на указанной территории и не принадлежащих к так называемой «нордической расе».

Первым шагом к осуществлению обновленной «Срединной Европы» должен был явиться аншлюсс, означавший вхождение Австрии в состав Германии. Пропаганда идеи «Срединной Европы» велась не только в Германии. В незавидной роли сторонников германской «Срединной Европы» выступили многие австрийские реакционеры, а также венгерский профессор Э. Хантос, опубликовавший десятки книг и брошюр по этому вопросу. Хантос пропагандировал «умеренный», по его мнению, план создания под руководством Германии «Срединной Европы», куда, кроме нее, вошли бы все государства бывшей Австро-Венгрии²⁴. Если учесть, что территория таких государств, как Польша, Румыния, Югославия, составила часть из земель, входивших в Австро-Венгрию, то становится ясно, что план Хантоса вовсе не отличался умеренностью. Он был продиктован стремлением обеспечить закабаление Германией возможно большего числа стран и населения.

Пропаганда шовинистических доктрин, в том числе плана «Срединной Европы», особенно усилилась в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., когда в Германии, как и в других капиталистических странах, резко обострилось внутреннее положение. Германская буржуазия хотела найти выход из создавшихся противоречий в развязывании новой войны, в захвате территорий других стран.

Очень характерен в этом отношении сборник под редакцией Гаусгофера, изданный незадолго до прихода фашистов к власти. В сборнике с большой статьей о «Срединной Европе» выступил К. Трамплер. Основной тезис фашистского геополитика состоял в том, что «государственное членение нынешнего междуевропейского пространства невыносимо». Термин «междуевропейское пространство» обозначал у геополитиков государства, находившиеся на восток от Германии. Выход, утверждал автор, состоит в том, чтобы эти государства подчинить Германии как в экономическом, так и в политическом отношении. Они должны, вешал Трамплер, превратиться в ее аграрно-сырьевые придатки. Правда, тогда будет уничтожена собственная промышленность этих стран. Но, по мысли «ученого-аннексиониста», это будет только к лучшему, ибо промышленность восточноевропейских стран якобы «излишня», а вложенные в нее капиталы затрачены бесцельно. «В перспективе, — писал Трамплер, — создается картина геополитически ясно очерченного пространства: северовосточная и юговосточная Европа, скрепляемая тисками германского пространства»²⁵.

После установления гитлеровской диктатуры фашистские геополитики окончательно распоясались. Они открыто разрабатывали планы агрессии против европейских стран и обсуждали наиболее удобные направления этой агрессии. Вместе с тем германские фашисты заявляли теперь, что «Срединная Европа» вовсе не является конечной целью в завоевательных планах германского фашизма, что создание ее — лишь необходимый этап на пути к осуществлению гораздо более обширных экспансионистских замыслов. Что касается направлений для ближайшей экспансии, то геополитики рекомендовали два пути: на юго-восток и на северо-восток Европы. Особенно широко превозносились выгоды первого направления, которое сулило не только захват сырья и продовольствия Венгрии, Румынии, Югославии и выход к Черному морю, но и овладение Балканским полуостровом и приобретение выхода к Персидскому заливу. В статье «Юго-

²³ Цит по Dokumentation der Zeit. Gesamtdeutsches Informationsarchiv. № 55 (1951)

²⁴ E. Hantoss. Der Weg zum neuen Mitteleuropa. Berlin. 1933. S. 19.

²⁵ «Jenseits der Grossmächte». Hrsg. K. Haushofer. 1932.

восточное пространство в концепции Срединной Европы», опубликованной в 1934 г., геополитик Р. фон Шумахер писал, что «познание» единого пространства от Боденского озера до персидской границы настоятельно требует от Германии и «мышления крупными пространствами»²⁶. Это был призыв к безудержному расширению агрессивных действий.

Подобно Шумахеру высказывался уже упоминавшийся Трамплер. «Узловые пункты пограничной борьбы, — писал он, — лежат в настоящее время вне государственных границ. Они находятся на границах германской нации и проходят по пограничным линиям германского культурного влияния в «Срединной Европе». Это «культурное влияние», по замыслу Трамплера, охватывало Ленинград и Ленинградскую область, часть Калининской области, Белоруссию, Правобережную Украину и т. д.»²⁷

В годы фашистской диктатуры на сцену вновь выступил один из азторов «Срединной Европы», историк кайзеровских времен Г. Онкен, как бы символизировавший собой преемственность реакционных идей германского империализма. Онкен с энтузиазмом приветствовал приход к власти фашистов, характеризуя его как «наступление новой эпохи». В 1935 г. он ратовал за создание в центре Европы великогерманской империи с тем, чтобы «страна середины» была способна к наступательным действиям во все стороны и в результате взяла на себя «естественное руководство Европой»²⁸. Онкен, Гаусгофер и другие не только разрабатывали человеконенавистнические идеи фашизма, но и активно помогали претворять их в жизнь. Так, в период подготовки гитлеровской Германии к агрессии против Чехословакии они предприняли яростную кампанию против этой славянской страны. Карл Гаусгофер поместил в своем журнальчике пышущую бешеной злобой статью, в которой называл Чехословакию «протянувшейся через Срединную Европу слепой кишкой в опасном, воспаленном состоянии»²⁹.

В период второй мировой войны немецко-фашистские захватчики залили кровью десятки европейских стран, пытаясь поработить их народы и установить «новый порядок» в Европе, являвшийся, по существу, не чем иным, как синонимом традиционного лозунга германских захватчиков о создании «Срединной Европы». Порабощая и жестоко угнетая временно оккупированные страны, германские фашисты, подобно своим предшественникам периода первой мировой войны, пытались доказать, что их политика якобы соответствует интересам европейских стран. Эти издевательские заявления в ходу и в наши дни. Так, бывший начальник генерального штаба немецко-фашистской армии Гудериан не столь давно писал: «Не следует забывать, что европейская идея впервые была осуществлена в этих (эсэсовских. — А. Д.) войсках и что между европейскими нациями были созданы узы, которые лучше было не разрушать» (!)³⁰.

В 1943 г. в обращении к войскам СС Гитлер заявлял, будто в их рядах сражается «вся Европа». На деле вся Европа сражалась против фашистских захватчиков, имея перед глазами великий пример Советского Союза; в тяжелой борьбе сломившего хребет немецко-фашистскому зверю. Гитлеровскому «новому порядку», против которого единодушно поднялись патриоты всех оккупированных стран, не удалось утвердиться в Европе. Окончились провалом и все попытки германских империалистов выдать себя за «друзей» народов Европы. На опыте второй мировой войны народы Европы еще раз убедились, что все разговоры о «Срединной Европе», об «организации великого европейского пространства», об

²⁶ «Zeitschrift für Geopolitik». 1934, № 3.

²⁷ «Zeitschrift für Geopolitik». 1934, № 1.

²⁸ Н. Онкен. Nation und Geschichte. 1935.

²⁹ «Zeitschrift für Geopolitik». 1937, № 1.

³⁰ См. «Бонн готовит реваншистскую войну. Факты о возрождении германского милитаризма в аденауэровском государстве». М. 1954, стр. 27.

объединении одних стран Европы против других лишь прикрывают планы подчинения всей Европы германским империализмом.

Вторая мировая война, стоившая человечеству неисчислимых жертв, закончилась еще более сокрушительным разгромом германского милитаризма, чем в 1918 году. Все народы Европы, и в их числе германский народ, кровно заинтересованные в недопущении новой агрессии со стороны германских монополий, были твердо уверены в том, что разгром гитлеровского «рейха» будет иметь своим результатом превращение Германии в демократическое и миролюбивое государство. Но эти надежды не оправдались. Лишь в восточной части страны, где навсегда вырваны корни, питавшие германскую агрессию — власть монополий и юнкерства, — утвердилась Германская Демократическая Республика, ставшая важным оплотом мира в Европе. В западной же части, оккупированной войсками США, Англии и Франции, где позиции юнкерства и пушечных королей Рура остались нетронутыми, возродились реакционные, полуфашистские порядки, поднялась недобитая фашистская нечисть, пользующаяся полной свободой действий и воспевающая гитлеровский режим.

Усилиями американских и английских империалистов в Западной Германии создан очаг агрессии, представляющий большую опасность для всех народов Европы. Правящие круги США уже в течение ряда лет осуществляют ремилитаризацию Западной Германии, готовы в ее лице плацдарм и ударную силу для замышляемой ими агрессивной войны против Франции и других ближайших соседей Германии, против лагеря мира, демократии и социализма. Чтобы ввести в заблуждение народы, не забывшие еще злодеяний немецко-фашистского вермахта, американские империалисты придумали план создания «европейского оборонительного сообщества», в котором возрождаемая гитлеровская армия будет якобы находиться под контролем других его участников. Однако маскировка эта оказалась чрезвычайно прозрачной. Сами нынешние боннские правители во главе с Аденауэром не делают особого секрета из того, что Западная Германия будет диктовать свою волю партнерам по «европейскому сообществу», точно так же, как Гитлер и его клика делали это по отношению к соучастникам по установлению «нового порядка» в Европе. Выступая накануне последних выборов в боннский бундестаг, Аденауэр заявил, что бог-де избрал Германию в руководители Европы³¹. И отсюда делается вывод: «В планируемой объединенной Европе Германия, ввиду большой численности ее населения, мощи ее экономики и положения страны в центре Европы, займет первостепенное положение, германская армия должна вновь стать сильнейшей в Европе»³².

Таким образом, германские империалисты, обосновавшиеся ныне на западе страны, вновь предъявляют свои уже достаточно известные народам Европы претензии. Они получили эту возможность через сравнительно короткий срок после разгрома гитлеровской Германии лишь благодаря политике правящих кругов Соединенных Штатов Америки, стремящихся натравить одни народы Европы на другие, подавать руками германских милитаристов свободу и независимость, прогрессивное развитие народов и Западной и Восточной Европы. Народы Европы не могут забыть зловещую роль германского милитаризма в развязывании как первой, так и второй мировых войн.

Попыткам сколотить «европейское оборонительное сообщество» Советское правительство противопоставило проект «общеевропейского договора о коллективной безопасности в Европе», направленный на сохранение и упрочение мира в Европе. Этот проект встречает все большую поддержку европейской общественности.

³¹ См. «Dokumentation der Zeit». 1953, № 56.

³² «Nation Europa». Koburg. 1953. №№ 6, 7.